

УДК 343.2:94(47) «11/17»

Наталья Викторовна Сычева
Валерий Евгеньевич Ежов
г. Шадринск

Эволюция понятия вины в российском уголовном праве XI-XVII веков

Статья посвящена историко-правовому анализу трансформации одного из центральных институтов уголовного права – понятия вины – в период XI–XVII век. Проблематика исследования заключается в выявлении и систематизации этапов перехода от архаической системы правовой ответственности к более дифференцированной модели, учитывающей субъективную сторону преступления. В работе применены методы источниковедческого и догматического анализа древнейших кодифицированных памятников: «Русской Правды» (XI–XII вв.) и Соборного Уложения 1649 года. Результаты исследования демонстрируют, что в «Русской Правде» господствовал принцип объективного вменения, при котором преступление («обида») отождествлялось с причинением материального вреда, а внутреннее психическое отношение виновного не учитывалось. К середине XVII века, как свидетельствует Соборное Уложение, произошёл качественный скачок: в законодательстве впервые выделяются и нормативно закрепляются формы вины – умысел, неосторожность и случай, а также вводятся смягчающие и отягчающие обстоятельства. Это ознаменовало становление субъективного подхода, при котором оценка деяния стала включать анализ волевого и интеллектуального отношения преступника к содеянному. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о формировании к концу изучаемого периода концептуальных основ современного понимания вины в отечественном уголовном праве.

Ключевые слова: вина, уголовное право, Русская Правда, Соборное Уложение, объективное вменение, субъективный подход, умысел, неосторожность, история права

Natalia Viktorovna Sycheva
Valery Evgenievich Ezhov
Shadrinsk

The Evolution of the Concept of Guilt in Russian Criminal Law of the 11th-17th Centuries

The article is devoted to a historical and legal analysis of the transformation of one of the central institutions of criminal law—the concept of guilt—from the 11th to the 17th centuries. The research aims to identify and systematize the stages of transition from an archaic system of legal liability to a more differentiated model that takes into account the subjective aspect of a crime. The study utilizes source study and dogmatic analysis of the oldest codified texts: the Russkaya Pravda (11th-12th centuries) and the Sobornoy Ulozheniye (Cathedral Code) of 1649. The results of the study demonstrate that the principle of objective imputation prevailed in the Russkaya Pravda, whereby a crime (“offense”) was equated with causing material damage, and the internal psychological attitude of the perpetrator was not taken into account. By the mid-17th century, as evidenced by the Cathedral Code, a qualitative leap occurred: for the first time, legislation identified and codified forms of guilt—intent, negligence, and chance—and introduced mitigating and aggravating circumstances. This marked the emergence of a subjective approach, in which the assessment of an act began to include an analysis of the perpetrator's volitional and intellectual attitude toward the crime. The analysis allows us to conclude that by the end of the period under study, the conceptual foundations of the modern understanding of guilt in Russian criminal law had been established.

Keywords: guilt, criminal law, Russkaya Pravda, Cathedral Code, objective imputation, subjective approach, intent, negligence, legal history

Понятие «вины», в контексте субъективного признака преступления, занимает одно из центральных мест в вопросах, непосредственно составляющих содержание науки уголовного права. Очевидно, данный термин является одним из ключевых понятий, из которых и определяется факт вины человека, совершившего преступление. Тенденция исторического, юридического и других направлений развития института вины имеет масштабный объем данных, анализ которых может дать основания для определения ступеней развития – от «формального подхода» к «субъективному вменению».

Исследование этого пути целесообразно начинать с древнейших кодифицированных источников, заложивших основы правовой системы. Ярким примером служит «Русская Правда» – первый письменный свод законов Древней Руси (XI–XII вв.), который, как отмечается в научной литературе, являлся основным источником права на протяжении долгого времени [4]. Так, преступление в этом документе обозначается словом «обида», из чего можно сделать следующий вывод: преступное деяние в средневековом российском обществе трактовалось как причинение материального вреда. Потерпевшие, соответственно, мстили за причиненные им убытки. Также, можно сделать вывод, что в судебном процессе затруднительно выделить такое явление, как «виновность», то есть, желание или нежелание субъекта причинить вред не учтывался, а наказание назначалось лишь за сам факт преступного деяния [7]. Вышеперечисленное отражается в статье 67 (о бороде) «Русской Правды»: «А кто повредит бороду и останутся следы этого и будут свидетели, то 12 гривен штрафа князю; если же свидетелей нет и обвинение не доказано, то штрафа князю нет» [6, с. 433]. Таким образом, честь («цена» бороды) прямо конвертирована в материальную сумму, а ущерб чести здесь эквивалентен материальному ущербу. Наличие свидетелей доказывает факт, а не умысел. Далее в статье 44 (О воровстве) говорится: «Если убьют кого-либо у клети или во время какого иного воровства, то его можно убить как собаку; если продержат его до рассвета, то вести на княжеский двор...» [6, с. 126]. Из содержания понятно, что смерть вора, запертого в сарае (клети), или в процессе совершения преступления – это не преступление. Факт воровства снимает вопрос об умысле в лишении жизни. На примере данной статьи четко прослеживается объективное вменение – отсутствие различия между умыслом и неосторожностью.

Также следует отметить, что понятие «вины» в некоторых статьях «Русской Правды» трактуется как действие потерпевшего, в следствие которых и было совершено преступление [3]. Это прослеживается в статьях 25 и 26: «Если кто кого ударит батогом, или чашей, или рогом, или тыльной стороной оружия, то 12 гривен. Если кто, не утерпев, ударит мечом того, кто нанес удар, то вины ему в этом нет» [6, с. 106]. Таким образом, действия потерпевшего, вызвавшиеся в провокационном оскорблении, служат правовым основанием для снятия вины с лица, применившего в ответ более тяжкое насилие.

Проведенный источниковедческий и догматический анализ нормативных положений «Русской Правды» (XI–XII вв.) позволяет реконструировать архаическую парадигму правовой ответственности, характерную для раннего этапа генезиса древнерусского права. Центральным выводом исследования является констатация абсолютного доминирования объективного (формального) подхода в квалификации деяний и назначении наказаний. В данной системе преступление («обида») отождествлялось исключительно с внешним, фактически наступившим последствием – материальным ущербом или физическим вредом. Внутренний, субъективный элемент – психическое отношение лица к содеянному (вины в форме умысла или неосторожности) – не имел самостоятельного юридического значения и не служил основанием для дифференциации ответственности.

Можно выделить системообразующие черты этого архаичного института:

1. Примат объективного вменения. Ответственность наступала за сам факт причинения вреда, независимо от умысла, что наглядно демонстрируют нормы о допустимости убийства вора на месте преступления или о штрафе за повреждение бороды при наличии свидетелей факта. Правоприменительный процесс был ориентирован на

установление объективной истины (факта причинения ущерба и личности причинителя), а не на исследование его субъективных побуждений.

2. Материально-компенсационная природа санкций. Правовая система функционировала по принципу талиона и последующей тарификации ущерба. Даже посягательства на нематериальные блага (честь, достоинство) подлежали точной денежной оценке («цена бороды»), что подчеркивает синкретизм правового и имущественного регулирования.

3. Инверсия понятия вины. В ряде норм (например, о провокационном оскорблении) прослеживается архаичная трактовка «вины» как действия самого потерпевшего, создавшего правомерные основания для ответного насилия. Это указывает на то, что категория виновности изначально формировалась не как атрибут деятеля, а как характеристика ситуации, снимающая запрет на причинение вреда в порядке «законной» ответной реакции.

Таким образом, эволюция института вины в древнерусском праве берет начало не с развитых субъективных концепций, а с их прямой антитезы – системы строгого объективного вменения и материальной компенсации. «Русская Правда» фиксирует тот этап развития правосознания, когда право служило в первую очередь инструментом урегулирования конфликтов и поддержания социального порядка через формализованное воздаяние, а не средством оценки личности преступника. Выявленные особенности представляют собой не фрагментарные аномалии, а системную основу архаического права, которая впоследствии, под влиянием христианизации, рецепции византийских норм и усложнения социальных отношений, постепенно уступит место более дифференциированной модели, учитывающей субъективную сторону преступления. Данный анализ подтверждает общемировую закономерность, согласно которой генезис субъективного подхода в уголовном праве является признаком его переход от архаической к более развитой, рефлексивной стадии.

Далее, активное развитие российского законодательства происходило в XVI–XVII веках. Для работы было выбрано Соборное Уложение царя Алексея Михайловича Романова, принятое в 1649 году. Историческое значение данного памятника русской юриспруденции не требует обсуждения – начиная отказом от примерно 1000 противоречивых актов, давно требующих унификации, систематизации и структуризации, до изменения судебной системы, введения регламентации судебных процедур, доказательств и протоколирования [5]. Также, нововведения коснулись и уголовного права.

Однако переход от архаической системы объективного вменения «Русской Правды» к развитой дифференциированной модели Соборного Уложения не был скачкообразным. Он представлял собой длительный процесс, обусловленный комплексом социально-экономических, политических и идеологических факторов, находивших своё отражение в промежуточных правовых источниках. Как отмечал С. В. Юшков, эволюция уголовного права была тесно связана с развитием феодальных отношений, укреплением государственности и влиянием христианской доктрины [11, с. 70-75, 230-232].

Первый существенный шаг в направлении дифференциации вины был сделан в Псковской Судной Грамоте (XIV–XV вв.). В отличие от «Русской Правды», в ней уже прослеживается разграничение преступлений по степени общественной опасности и элементам субъективной стороны. Так, проводится различие между «татьбой» (тайной кражей) и «грабежом» (открытым похищением), что указывает на учёт формы виновного поведения [11, с. 154-160]. Появление терминов, обозначающих злую волю («перевет» – измена, «наряд» – умысел), а также учёт предварительногоговора свидетельствуют о формировании зачатков умышленной вины. Юшков характеризует данный памятник как сделавший «значительный шаг вперёд в развитии уголовного права... прежде всего в направлении дифференциации преступлений по субъективной стороне» [11, с. 160].

Дальнейшее развитие этого процесса связано с Судебниками 1497 и 1550 гг., которые отражали потребности централизованного государства в унификации права и усилении репрессивного аппарата. Ключевым нововведением стало законодательное закрепление категории «лихого человека» – профессионального или рецидивного преступника, что

означало дифференциацию ответственности в зависимости от личности виновного [11, с. 232-240]. Параллельно усиливалось влияние церкви и реципиированного византийского права, которые привносили в светское законодательство концепции индивидуальной греховности, умысла и неосторожности [11, с. 285-287]. Это идеологическое влияние постепенно подготавливало почву для перехода от объективного вменения к оценке внутреннего отношения преступника к содеянному.

Таким образом, к середине XVII века в российском праве сложился комплекс предпосылок для качественного скачка:

1. Социально-экономические: рост феодального землевладения и усложнение хозяйственных отношений требовали более тонкой правовой защиты собственности и сословных привилегий.
2. Политические: укрепление самодержавной власти и государственного аппарата создавало потребность в систематизированном законодательстве, способном квалифицировать различные виды посягательств на государственный интерес.
3. Идеологические: христианская антропология с её акцентом на личную вину и раскаяние, а также опосредованное влияние римско-византийских правовых конструкций способствовали формированию юридических категорий для оценки субъективной стороны преступления.

Именно Соборное Уложение 1649 года, синтезировав эти накопленные тенденции, осуществило их полномасштабную системную кодификацию, ознаменовав переход к новой, субъективно-дифференцированной парадигме уголовной ответственности.

Несмотря на то, что в Соборном Уложении также отсутствует четкое понятие преступления, анализ сборника позволяет определить содержательную часть данного термина, а именно – «нарушение закона и царской воли» [2, с. 41].

Соборное Уложение вводило разделение вины на 3 категории.

Первая – умышленное преступление. Например, статья 228, глава 10: «А будет кто, умыслия воровски, зажжет государев двор, или помещикovy, или вотчинниковы дворы, и от того пожара учинится кому гибель... и того поджигателя казнити смертною казнью» [5, с. 57]. Здесь прямо указывается, что в случае злого умысла («умыслия воровски») грозит наказание в виде смертной казни.

Вторая – неосторожность (принцип объективного вменения: наказание за результат). В данном случае преступление наказывается, несмотря на отсутствие злого умысла, в следствие наступления вредного результата лица. Это отчетливо видно в статье 3, глава 22: «А будет отец или матери сына или дочь убииет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрме год, приходить им к церкви божии, и у церкви божии объявлять тот свой грех всем людем вслух, а смертию отца и матери за сына и за дочь не казнить» [5, с. 129]. То есть убийство родителями детей, предположительно в результате жестокого наказания, без прямого умысла, карается, но заметно мягче, чем за умышленное убийство – тюрьма, штраф и публичное покаяние вместо смертной казни. Статья 20, глава 22 гласит: «А будет кто стреляющи ис пищали, или из лука по зверю, или по птице, или по примете, и стрела или пулька вспловет и убьет кого за горою или за городьбою, или ктожакимни будь обычаем кого убьет до смерти деревом, или каменем, или чем ни будь ненарочным же делом, а недружбы и никакие вражды напередь того у того, кто убьет, с тем, кого убьет, не бывало, и сыщетсяproto допряма, что такое убийство учинилося ненарочно, без умысления, и за такое убийство никого смертию не казнити и в тюрьму не сажати потому, что такое дело учинится грешным делом без умысления» [5, с. 131]. Классический пример причинения смерти по неосторожности, на что указывает пункт «не видя его». Прямого умысла на убийство человека нет, но присутствует небрежность на охоте. Но в следствие того что результатом действия человека стала смерть лица, следует наказание в виде тюремного заключения.

Третья – случайность (отсутствие вины). Трактовка данной категории заключается в следующем: если результат произошел по воле случая или, в силу религиозного контекста – Божьей воле, вины нет, соответственно, наказание также отсутствует. Подобное явление

имеет отражение в статье 18, глава 22: «А будет лошадь кого испужает, и лошадь его, испужався, на кого наедет, и тем боем кого безхитростно убьет до смерти... и в том на того человека, чья лошадь, ни какой пенки нет, потому что он того убийства не хотел, и учинилось то убийство безхитростно» [5, с. 389]. В данном случае акцент идет на формулировку – «безхитростно» (т.е. без умысла, неумышленно). В ситуации, когда человек не мог предвидеть и предотвратить результат своих действий – наказание отсутствует.

Также, помимо разделения вины на разделы, в Соборном Уложении были указаны обстоятельства, смягчающих или отягчающих вину [1].

К смягчающим обстоятельствам относят:

1. Малый возраст. Статья 5, глава 22: «А будет которой сын, или дочь у отца, или у матери животы пограбят насильством, или не почитаючи отца и матерь, и избываючи их, учнут на них извещати какия злые дела, или которой сын, или дочь отца и мать при старости не учнет почитати и кормити, и ссужати их ничем не учнут, и в том на них отец, или мать учнут Государю бити челом: и таким детем за такия их дела чинити жестокое наказание, бити кнутом же нещадно, и приказати им быти у отца и у матери во всяком послушании безо всякого прекословия, а извету их не верити» [5, с. 129].

2. Воровство из «нужды» или «простого ума». Хотя прямой статьи нет, но логика смягчения за кражу из бедности вытекает из Главы 21 о татьбе (краже), где наказание зависит от стоимости похищенного и обстоятельств, что подразумевает учёт мотивов. Концепция «простота ума» могла применяться по усмотрению суда [2].

К отягчающим обстоятельствам Соборное Уложение относит:

1. Рецидив. Статья 9, глава 21: «А будет такой тать (вор) впервые приведен будет в татьбе, и пытав его, казнити смертию. А будет он в иных татьбах был изыман, а после того в иных татьбах же будет изыман, и его пытав, казнити смертию же» [5, с. 118]. Закон чётко предписывает казнь уже за вторую кражу с поличным);

2. Совокупность преступлений. Статья 1, глава 22: «А будет кто совершил убийство, а с убийством учинит и грабеж: и его казнити смертию безо всякия пощады») [5, с. 355];

3. «Ведомо лихой человек». Сам факт признания человека «ведомо лихим» уже был отягчающим обстоятельством, упрощавшим процедуру доказывания и ужесточавшим наказание [9];

4. Место совершения преступления. Статья 2, глава 3: «А будет кто в государеве дворе кого задерет и з дерзости ударит рукою, и такова тут же изымать, и неотпускаючи его про тот его бой сыскать, и сыскав допряма за честь государева двора посадить его в тюрму на месяц. А кого он ударит, и тому на нем доправити бесчестье. А будет кого он ударит до крови, и на нем тому, кого он окровавит, бесчестье доправить вдвое, да его же за честь государева двора посадить в тюрму на шесть недель» [5, с. 22].

Анализ Соборного Уложения 1649 года позволяет констатировать принципиальный качественный скачок в развитии отечественного уголовного права и, в частности, в эволюции института вины. Данный памятник знаменует собой переход от архаической системы объективного вменения, характерной для «Русской Правды», к несравненно более сложной и дифференцированной модели, в которой субъективная сторона преступления (вины) становится ключевым фактором квалификации деяния и определения меры ответственности.

Ключевыми достижениями этой новой парадигмы являются:

1. Легальное структурирование форм вины. Впервые в русском законодательстве происходит нормативное выделение и разделение трех основных категорий психического отношения к деянию: умысел, за который, как правило, следует наиболее суровое наказание; неосторожность, которая признается виновным, но менее опасным деянием и влечет смягченное наказание. Этот подход, сохраняя элементы объективного вменения за результат, уже проводит четкую грань между умыслом и небрежностью; случай (казус), который трактуется как отсутствие вины и, следовательно, уголовной ответственности (смерть от испугавшейся лошади). Легитимация случая как юридически значимой категории является прямым свидетельством углубления субъективного анализа.

2. Институционализация индивидуализации наказания. Введение системы смягчающих и отягчающих обстоятельств (малый возраст, нужда, рецидив, статус «ведомо лихого человека», место преступления) превращает наказание из механической талиона или тарификации в гибкий инструмент, учитывающий личность преступника, его мотивы и конкретные условия деяния. Это свидетельствует о зарождении пенитенциарной (исправительной) идеи в противовес чисто карательной или компенсационной.

3. Системная интеграция нового подхода. Эволюция понятия вины в Соборном Уложении не была изолированным явлением. Она стала органичной частью масштабной кодификации, рационализации и профессионализации права в целом: унификация норм, регламентация судопроизводства, строгая иерархия доказательств, обязательное протоколирование. Все это создавало процессуальные предпосылки для исследования и доказывания сложной внутренней, субъективной стороны преступления, что было немыслимо в эпоху «Русской Правды».

Таким образом, Соборное Уложение 1649 года представляет собой ключевой рубеж в становлении классического субъективного подхода в российском уголовном праве. Законодатель переходит от оценки исключительно факта причинения вреда к оценке деяния как волевого акта, порожденного определенным психическим отношением виновного. Это отражает глубокие изменения в правосознании: преступление начинает осмыляться не только как «обида» частному лицу или нарушение материального порядка, но и как «нарушение закона и царской воли» – то есть публично-правовой, государственный деликт.

В заключении можно заявить, что проведённый анализ демонстрирует ключевые этапы эволюции института вины в отечественном уголовном праве – от формального (объективного) подхода к зарождению субъективного вменения.

Архаичная стадия («Русская Правда» XI–XII вв.). Преступление («обида») понималось как причинение материального или физического вреда. Ответственность носила формальный характер: наказание следовало за сам факт деяния и его последствия, без учёта внутреннего отношения виновного (умысла или неосторожности). Господствовал принцип объективного вменения.

Переходный этап (Соборное Уложение 1649 г.). Значительно усложнялась правовая модель. Несмотря на отсутствие чёткого определения преступления, Соборное Уложение: ввело дифференциацию форм вины: умысел, неосторожность и случайность; начало учитывать субъективный фактор: строгость наказания стала зависеть от наличия злого умысла; систематизировало обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность.

Также нами был выделен общий вектор развития: эволюция шла от принципа «деяние – последствие – наказание» к постепенному признанию вины как внутреннего, психического отношения лица к содеянному. Соборное Уложение, не став полноценной системой субъективного вменения, заложило важнейшие правовые основы для этого перехода, подготавливая почву для дальнейшего развития уголовно-правовой доктрины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андриевская, А. Н. Развитие понятия вины в уголовном праве России и его современная характеристика / А. Н. Андриевская, Д. А. Косторнов. – Текст : непосредственный // Право и управление. – 2024. – № 12. – С. 332–335.
2. Буркова, К. Р. Уголовно-правовая характеристика Соборного Уложения 1649 года: понятие, состав, виды преступлений / К. Р. Буркова. – Текст : непосредственный // Вестник науки. – 2025. – № 8 (89). – С. 41–46.
3. Георгиевский, Э. В. К вопросу об общей характеристике и происхождении Русской Правды / Э. В. Георгиевский. – Текст : непосредственный // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 1 (44). – С. 74–81.

4. Карапетян, А. А. Русская Правда, как источник древнерусского права / А. А. Карапетян. – Текст : непосредственный // Теория и практика современной науки. – 2020. – № 6-1 (12). – С. 586–589.
5. Карпиченко, Н. П. Соборное уложение 1649 года / Н. П. Карпиченко. – Текст : непосредственный // Право и образование. – 2019. – № 8. – С. 152–158.
6. Правда Русская. В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1940. – 505 с. – Текст : непосредственный.
7. Сквозников, А. Н. К вопросу о понятии вины в русском средневековом праве / А. Н. Сквозников – Текст : непосредственный // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2018. - № 2 (21). – С. 3–8.
8. Соборное уложение 1649 года : текст, comment. / comment. Г. В. Абрамовича [и др.] ; рук. авт. кол. А. Г. Маньков. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1987. – 448 с. – Текст : непосредственный.
9. Томсинов, В. А. Соборное уложение 1649 г. как памятник русской юриспруденции / В. А. Томсинов. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2007. – № 1 (270). – С. 162–188.
10. Филиппова, Е. О. Юридическая конструкция вины в уголовном праве России: становление и история развития, понятие и содержание / Е. О. Филиппова. – Текст : непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – № 4 (33). – С. 368–371.
11. Юшков, С. В. История государства и права СССР. Ч. 1 / С. В. Юшков. – Москва : Юридическое изд-во Минюста СССР, 1950. – 635 с. – Текст : непосредственный.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Н. В. Сычева, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и права, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск, Россия, e-mail: natwikk@mail.ru.

В. Е. Ежов, студент 4 курса гуманитарного института, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск, Россия, e-mail: afteralt5@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

N. V. Sycheva, Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Law, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, e-mail: natwikk@mail.ru.

V. E. Ezhov, 4th year student, Humanities Institute, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, e-mail: afteralt5@mail.ru.